

«ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОРЦЫ ПРОТИВ ЦАРИЗМА»: СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТАХ В КУРГАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

История декабристского движения в советское время была включена в единый революционный нарратив как ранняя глава борьбы против самодержавия и предтеча большевизма. В региональном измерении – в Урало-Сибирском пространстве ссылок – эта тема стала важным ресурсом культурной политики, музейного строительства, топонимики и массового просвещения. Курганская область – один из ключевых узлов этой памяти: в 1830–1850-е годы в Курган было сослано тринадцать декабристов (И. Ф. Фохт, В. Н. Лихарев, И. С. Повало-Швейковский, В. К. Кюхельбекер, Н. И. Лорер, А. Ф. Бригген, П. Н. Свистунов, М. М. Нарышкин, А. Е. Розен, Д. А. Щепин-Ростовский, М. А. Назимов, Ф. М. Башмаков, Н. В. Басаргин) [8, с. 29]. В советский период их «локализованная» память – дома, мемориальные доски, музеи, надгробия на могилах, улицы, краеведческая литература и путеводители – превратилась в институционально поддерживаемую инфраструктуру воспитания и идентичности.

Цель статьи – на базе имеющихся документов Государственного архива Курганской области (ГАКО), Государственного архива социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО), материалов региональной прессы (газеты «Красный Курган» / «Советское Зауралье» и «Молодой ленинец») и краеведческой литературы показать, как в СССР формировалась, расширялась и переосмыслялась память о ссыльных декабристах в городе Кургане и д. Смолино (с 1944 года включена в черту города Кургана).

Ранний слой памяти о ссыльных декабристах фиксируется уже в 1930-е годы, когда в Кургане и в д. Смолино были установлены мемориальные доски на домах М. М. Нарышкина, А. Е. Розена, В. К. Кюхельбекера. В сведениях о памятных местах, связанных с жизнью и деятельностью декабристов:

- на доме Нарышкина – «В этом доме жил ссыльный декабрист М. М. Нарышкин (1833–1837 гг.)». Установлена в 30-е годы XX века [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 276а];

- на доме Розена – «В этом доме с 1832 по 1837 год жил ссыльный

декабрист А.Е. Розен». Установлена в 1930 году [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 276б];

- на доме Кюхельбекера – «В этом доме с апреля 1845 года по март 1846 года жил ссыльный декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер». Дата установки не указана, но, учитывая однородность текста мемориальных досок, она была установлена в этот же период [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 277].

Это означает, что «ядро» декабристской топографии Кургана возникло еще в эпоху раннесоветской героизации «первых борцов», а последующие десятилетия институционализировали сложившийся канон. Показателен и опыт «социалистической функционализации» памятных зданий: в 1947 году дом декабриста Розена на улице Советской был передан под Дом пионеров: для этой цели был сделан ремонт здания и художественная отделка, а учащиеся школ заложили в прилегающем саду аллею яблонь [6]. Таким образом, идея «воспитания историей» через прямое использование мемориальных пространств, связанных с ссыльными декабристами, укоренилась в городе очень рано.

В 1950-е годы начинается систематизация и расширение мемориальной работы. Областной отдел культурно-просветительной работы в 1952 году направил на утверждение тексты шестнадцати мемориальных досок, среди которых ключевые декабристские адреса: дом М. М. Нарышкина и дом А. Е. Розена – рядом с ними планировались доски на зданиях, связанных с большевистской типографией и первыми Советами Кургана и Шадринска, что иллюстрирует включенность декабристского сюжета в широкий революционный пантеон региона [4, ф. 166, оп. 10, д. 212, с. 139–141]. В 1956 году Министерство культуры РСФСР собирало с субъектов списки охраняемых объектов: «Дом декабриста Михаила Михайловича Нарышкина» и «Дом, в котором с 1832 по 1837 год жил в ссылке декабрист Андрей Евгеньевич Розен» были включены в перечень исторических памятников Курганской области. Дополнительно Курганское областное управление культуры сообщало, что на обоих домах уже установлены мемориальные доски [2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 119, с. 2, 11, 114]. В это же время управление музеев Министерства культуры РСФСР просило направить паспорт на могилу декабриста И. С. Повало-Швейковского; областное управление культуры отвечало, что место захоронения не установлено, поскольку старые кладбища закрыты, памятники не сохранились [2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 119, с. 6–7]. Это сопоставление важно: «домовая» память оказалась устойчивее «погребальной». Параллельно областная периодическая печать формировала «места памяти» для массового читателя: тематический план «Красного Кургана» на февраль 1957 года включал рубрики «О чем

рассказывают мемориальные доски», «Здесь жил декабрист Розен» и др. [4, ф. 166, оп. 15, д. 25, с. 91, 101]. На рубеже 1957–1958 годов областное управление культуры заявляло в Министерство культуры РСФСР о намерении возвести в Кургане памятник декабристам (сквер по ул. Куйбышева) одновременно с обновлением центрального памятника В. И. Ленину [2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 139, с. 100]. Примечательно, что в газете «Красный Курган» в 1955 году был даже представлен проект этого памятника (рисунок 1) [7].

Рисунок 1 – Проект памятника декабристам

Нормативная база 1960-х задала новый уровень ответственности. Дом А. Е. Розена закреплялся как памятник государственного значения, дом М. М. Нарышкина – как памятник республиканского значения; уже в 1960 году намечалось изменить характер использования дома Нарышкина, фактически переводя его в музейный режим [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 27, с. 1–2]. Проект решения облисполкома Курганской области от августа 1966 года «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры» констатировал запущенность ряда объектов, слабую пропаганду, отсутствие развернутых ремонтно-реставрационных работ и

предписывал комплекс мер: запрет на самовольные перестройки, усиление противопожарной охраны, привлечение общественности и шефство предприятий, создание в областном музее раздела «Памятники культуры и истории области», выпуск популярных изданий; отдельно предписывалось освободить дом Нарышкина от жильцов, передать его на баланс музея и организовать реставрацию с обеспечением проектно-сметной документации и выделением строительных материалов [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 3, с. 1–4]. В логике юбилейной мобилизации обком КПСС ставил задачу открыть в Кургане музей декабристов «на базе дома Нарышкина», завершить экспозиции по советскому периоду, провести смотр музеев и памятников и использовать исторические места для воспитания молодежи [4, ф. 166, оп. 293, д. 296, с. 5]. Исполнение, однако, тормозилось инфраструктурными барьерами: в 1967 году областной музей докладывал о законсервированном с 1964 года пристрое, нерешенности передачи дома Нарышкина на баланс музея и рисках порчи фондов из-за отсутствия хранилищ [4, ф. 166, оп. 293, д. 297, с. 34–35].

К концу 1960-х складывается городская система шефства и «распределенной» памяти. В отчете Курганского городского отделения ВООПИК за 1968 год дома Розена, Нарышкина и Кюхельбекера названы «памятниками дореволюционного Кургана» в одном ряду с историко-революционными местами; за всеми объектами закреплялись шефствующие организации и школы [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 20, с. 1–2; ф. Р-1786, оп. 1, д. 27, с. 10]. В массовых краеведческих изданиях начала 1970-х эта рамка закреплялась описательно и визуально: путеводитель «Исторические памятники и памятные места Кургана» уделял особое внимание дому М. М. Нарышкина как «наиболее замечательному» среди домов декабристов, фиксировал тексты мемориальных досок («В этом доме с 1832 по 1837 год жил ссыльный декабрист Андрей Евгеньевич Розен»; «В этом доме с апреля 1845 года по март 1846 года жил ссыльный декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер») и сообщал о ведущихся реставрационных работах и скором открытии филиала музея [5, с. 36–48]. В издании 1973 года «Здравствуй, Курган!» указывается, что «курганцы свято берегут» дома Розена и Нарышкина, «реставрирована и изба» Кюхельбекера, а в доме Нарышкина «в ближайшее время начнет работать филиал краеведческого музея» [12, с. 16].

Пик институциональной мобилизации пришелся на 1974–1976 годы, когда Курганский городской исполком принял решение «О подготовке к празднованию в г. Кургане 150-летия со дня восстания декабристов» от 29 июля 1974 г. Документ задавал разом несколько векторов: активизи-

зация пропаганды памятных мест, организация тематических вечеров, конференций, экскурсий и книжных выставок; завершение к 1 сентября 1974 г. реставрации дома Нарышкина и его передача областному музею под экспозицию «Декабристы в Кургане»; открытие 1 сентября 1975 г. в поселке Смолино музея в «доме Кюхельбекера» с установкой у него бюста и благоустройством площади; ремонт дома Розена к 1 сентября 1975 г. с размещением в нем городской школы искусств и реконструкцией сквера к 1 ноября; установка к 1 ноября 1975 г. мемориальной стелы на могилах декабристов И. Ф. Фохта и И. С. Повало-Швейковского в городском саду; подготовка предложений по «увековечиванию имен 13 декабристов, проживавших в ссылке в городе Кургане», включая эскиз «собирательного образа декабристов» и макеты пилонов с их именами [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 203–204]. Эти шаги соотносились с инициативой областного ВООПИК о проекте «аллеи декабристов» из 13 бронзовых бюстов [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 88, с. 15], что показывает согласованность общественных и административных усилий. В юбилейном плане мероприятий на конец 1975 года были предусмотрены научно-теоретическая конференция «Декабристы в Кургане», выпуск библиографических и методических материалов, передвижные выставки, музыкальный фестиваль с участием Свердловского симфонического оркестра и массированные выступления в печати, по радио и телевидению [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 74–75].

Отчетность фиксирует существенные результаты. По данным справки отдела пропаганды и агитации Курганского обкома КПСС, с 1972 года шли реставрационные работы в доме Нарышкина (ВООПИК израсходовал 55 тыс. руб.); областной музей собрал 1300 экспонатов (около 400 – подлинные), сотрудники музея прочитали 73 лекции; дом-музей декабристов открыт 10 декабря 1975 г. и только до конца месяца принял свыше 6000 посетителей; 15 декабря 1975 г. открыт «домик-музей» В. К. Кюхельбекера в р. п. Смолино; сопровождали юбилей общественные мероприятия – вечер «России верные сыны» (600 участников, 20 показов, 10 305 зрителей), издание методических материалов, массированные публикации [4, ф. 166, оп. 317, д. 148, с. 67–68]. Эти данные прямо подтверждают тезис о юбилейной мобилизации как драйвере реставраций, музеефикации и массовой популяризации.

Топонимика и городская «карта памяти» одновременно наращивали плотность символов, связанных с декабристами. К 1975 году в поселке Смолино улица, идущая параллельно Широкому переулку, была названа именем В. К. Кюхельбекера [11, с. 104]; в поселке Восточном появилась улица Декабристов, а в локальных очерках объяснялось, по-

чему имена декабристов достойны увековечивания: через акцент на их вкладе в народное образование, музыкальную и художественную культуру Кургана в XIX веке, на помощи уездному училищу, благодаря созданию первой школьной библиотеки в городе, на «первом звучании классической музыки» в гостиной Нарышкиных, на рисунках Е. П. Нарышкиной и мемуарных текстах Розена, Лорера, Басаргина [11, с. 58]. Эти тексты важны не столько как историческая реконструкция, сколько как отражение массово-педагогической интонации позднесоветской памяти – именно так она объясняла, зачем городу нужны музеи и доски, связанные с декабристами.

Погребальная линия памяти также получила видимый формат. Если в 1956 году местонахождение могилы И. С. Повало-Швейковского считалось неустановленным [2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 119, с. 6–7], то к 1975 году городской исполком предписывал «воссоздать надгробные плиты» и установить мемориальную стелу на месте захоронения И. Ф. Фохта и И. С. Повало-Швейковского в городском саду [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 74–75, 204]. Эта практика переводила локальные захоронения в режим «символически подтвержденных» мест памяти, размещенных в центре городской жизни.

Конечно, достижения не удавалось отделить от «материальной реальности»: смет, дефицитов, строительной готовности, охраны пустующих объектов. В 1967 году областной музей сообщал о тяжелом положении – нехватке экспозиционных площадей, консервации пристроя, отсутствии хранилищ [4, ф. 166, оп. 293, д. 297, с. 34–35]. В 1975 году отчеты ВООПИК констатировали локальные технические недочеты, необходимость замены недолговечных мемориальных досок на мраморные, капитального ремонта отдельных памятников, хотя при этом «дом-памятник» Нарышкина был отреставрирован и открыт, а работы по «домику Кюхельбекера» завершались [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 89, с. 104; ф. Р-1786, оп. 1, д. 88, с. 15].

Что касается мемориальной скульптуры, то по итогу намеченные планы в реальность воплотить не удалось: не было установлено памятника Декабристам, который так и остался проектом, не была создана аллея декабристов с 13 бюстами, при доме-музее Кюхельбекера тоже не был установлен бюст.

На излете советского периода обнажились и проблемы источниковедческой точности. Уже в 1986 году в «Красном Кургане» был опубликован программный текст «Сохранить дом Кюхельбекера», где с опорой на документальные находки Б. Н. Карсонова обосновывалось: В. К. Кюхельбекер жил не в Смолино, а в самом Кургане, по адресу ул. Куйбышева, 19;

авторы настаивали на музеефикации этого дома как филиала музея декабристов [10]. В 1990 году в газете «Молодой ленинец» выходит статья «Кюхельбекер бы посочувствовал» Натальи Лавровой, где подтверждение этого факта называется сенсацией, описывается публичный сбор средств, работа реставрационной группы Томского филиала «Союзпроектреставрации», а также пишется о задержках с решениями и риски утраты памятника [9]. Этот позднесоветский сюжет показателен: он демонстрирует, как стабильно функционировавшая мемориальная карта (музей в Смолино, мемориальная доска с типовым текстом: «В этом доме с апреля 1845 года по март 1846 года жил...») входит в диалог с новой источниковой базой, требуя корректировки и дополнительной работы.

Наконец, важно отметить «язык» и «материальность» советской мемориалистики. Типовой формуляр «В этом доме... жил ссыльный декабрист...» стал своего рода сигнатурой городской памяти, воспроизводимой на мемориальных досках и в путеводителях 1970-х [5, с. 45, 48; 3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 276б, 277]. В 1970-е годы ВООПИК целенаправленно заменял «недолговечные» мемориальные доски на мраморные, фиксируя заботу не только об идеологической «правильности», но и о долговечности материальных носителей памяти [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 88, с. 15]. Одновременно часть памятных зданий продолжала использоваться в текущих культурных целях: в середине 1970-х планировалось разместить в доме Розена городскую школу искусств, реконструировать прилегающий сквер [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 204]. Этот компромисс – «музеефикация плюс функционирование» – типичен для позднесоветской охранной практики.

Опыт города Кургана демонстрирует многоуровневую и динамичную политику памяти о ссыльных декабристах в советский период. На раннем этапе (1930–1940-е) формировался «скелет» городской мемориальной топографии – появились первые доски на домах, и зафиксировалась практика «воспитательного» использования зданий [6; 3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 276а, 276б, 277]. В 1950-е годы шла институционализация: утверждались тексты мемориальных досок и списки охраняемых объектов, укреплялась роль прессы в тиражировании «мест памяти» [4, ф. 166, оп. 10, д. 212, с. 139–141; ф. 166, оп. 15, д. 25, с. 91, 101; 2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 119, с. 2, 6–7, 11, 114; ф. Р-1540, оп. 1, д. 139, с. 100]. В 1960-е годы нормативные решения переводили курс в режим «дела государственной важности»: уточнялись статусы объектов, запрещались самовольные работы, предписывались реставрации, шефство и музейная популяризация [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 3, с. 1–4; 4, ф. 166, оп. 293, д. 296, с. 5].

Юбилейная мобилизация середины 1970-х стала качественным пере-

ломом: в 1974 году Курганский горисполком принял программное решение с жесткими сроками, исполнители обеспечили открытие 10 декабря 1975 г. дома-музея в доме Нарышкина и 15 декабря «домика-музея» Кюхельбекера в Смолино, благоустройство и новые памятные формы – стелы, бюсты, пилоны, а также широкое культурно-просветительное сопровождение [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 203–204, 74–75]. К этому моменту краеведческая литература синхронно закрепляла и популяризировала канон – путеводители и справочники 1972–1973 гг. описывали «реставрируемый» дом Нарышкина, «избу» Кюхельбекера, тексты мемориальных досок, а в 1983 г. фиксировали открытие «Дома-музея декабристов», появление улиц Декабристов и Кюхельбекера [5, с. 36–48; 12, с. 16; 11, с. 58, 104, 224]. Но, как это зачастую бывает, не все планы удалось реализовать. На завершающем этапе позднесоветское общество, сохраняя и развивая созданную инфраструктуру памяти, оказалось готово к ее критической корректировке – примером стала дискуссия о «настоящем» доме Кюхельбекера [10; 9].

Таким образом, «первые революционные борцы против царизма» в Кургане были не только сюжетами учебников, но и узловыми точками местной городской памяти, вокруг которых выстраивались музеи, скверы, мемориальные доски и др. Эволюция этой памяти – от ранних 1930-х до конца 1980-х – показывает, как советское общество последовательно строило, расширяло и критически переосмысливало собственный исторический пантеон, стремясь совместить идеологические цели, просветительские задачи и требование источниковедческой точности.

Источники и литература

1 ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. Р-465 (Курганский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет).

2 ГАКО. Ф. Р-1540 (Управление культуры исполнительного комитета Курганского областного Совета народных депутатов).

3 ГАКО. Ф. Р-1786 (Совет Курганского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)).

4 ГАСПИКО (Государственный архив социально-политической истории Курганской области). Ф. 166 (Курганский областной комитет КПСС).

5 Иванова В. В. Исторические памятники и памятные места Кургана / В. В. Иванова, И. И. Таранченко. – Курган : Советское Зауралье, 1972. – 103 с.

6 Красный Курган. – 1947. – 6 июля. – № 132.

7 *Красный Курган*. – 1955. – 5 февраля. – № 26.

8 *Менциков В. В. Влияние ссыльных декабристов на социокультурное пространство / В. В. Менциков // Вестник Костромского государственного университета*. – 2016. – Т. 22. – № 2. – С. 29–31.

9 *Молодой Ленинец*. – 1990. – 14 апреля. – № 16.

10 *Советское Зауралье*. – 1986. – 8 июня. – № 132.

11 *Устюжанин Г. П. Родная улица моя / Г. П. Устюжанин, М. А. Евдокимова*. – 2-е изд., перераб., доп. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1983. – 336 с.

12 *Шушарина М. И. Здравствуй, Курган! [Путеводитель по городу] / М. И. Шушарина* – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1973. – 99 с.